

УДК 39(571.150)

DOI 10.37386/2413-4481-2024-4-109-116

Ирина Юрьевна Аксенова

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск, Россия, a_history@mail.ru

НОВЫЙ ГОД И СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД НА АЛТАЕ В XX–XXI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 2013–2024 ГГ.)¹

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы адаптации, празднования Нового года в семьях потомков старожилов и переселенцев Алтая, трансформации праздничной обрядности старого Нового года в XX–XXI вв. Выявлены сроки установления и способы украшения новогодней елки (сосны) в домах, дана характеристика специфике бытования новогодней праздничной обрядности в период ВОВ, рассмотрены и проанализированы заимствования элементов новогодней обрядности двух праздников. В основе статьи материалы полевых экспедиций автора 2013–2024 гг. на территории Алтайского края. Проблема впервые рассмотрена на узкорегionalном уровне.

Ключевые слова: Новый год; старый Новый год; календарная праздничная обрядность; Алтай; трансформация; адаптация; старожилы; переселенцы.

Irina Yu. Aksenova

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, a_history@mail.ru

NEW YEAR AND OLD NEW YEAR CELEBRATIONS IN ALTAI IN THE 20–21 CENTURIES (A STUDY OF ETHNOGRAPHIC DATA OBTAINED BETWEEN 2013–2024)

Abstract. The article examines the issues of how the New Year and Old New Year celebrations in the families of descendants of long-term residents and settlers of Altai were adapted and transformed in in the 20th–21st centuries. The author identifies the timing of the establishment and methods of decorating the New Year tree (pine) in houses, describes the special features of New Year rituals during the Great Patriotic War and the borrowing and adaptation of various festive rituals. The article is based on materials from the author's field expeditions in 2013–2024 to Altai Krai. The problem is considered for the first time at a narrow regional level.

Keywords: New Year; Old New Year; calendar holiday rituals; Altai; transformation; adaptation; old-timers; settlers.

Проблема сохранения праздничных календарных традиций в сельской местности разных регионов России – одна из актуальных сегодня для исследователей, культурных работников, педагогов. Изучение новогодней праздничной обрядности Нового года (1 января) и старого Нового года (14 января) позволит разобраться с часто задаваемыми сегодня вопросами о причинах возникновения двух «одинаковых» праздников, их традициях. Целью исследования является анализ адаптационных форм праздника Нового года, трансформации праздничной обрядности старого Нового года на узкорегionalном уровне в условиях новых идеологических проявлений Советского государства, на современном этапе. Новизна исследования заключается в использовании новых источников по данной проблеме – полевых интервью с сельскими жителями и работниками сельских ДК Алтайского края в 2013–2024 гг., архивных материалов, сельской периодики. При проведении полевых исследований применялись методы индивидуального и группо-

вого интервьюирования с потомками смешанных семей старожилов и переселенцев, а также метод включенного наблюдения.

Традициям и обрядам народного праздничного календаря в Алтайском крае уделялось внимание такими исследователями, как И. В. Куприянова [1], В. И. Мотузная [2], Е. В. Палевкина [3], Н. Г. Паньшина [4], М. Н. Сигарева [5] и др. Традиционные и новые праздники изучались Ю. Абалкиной [6], А. В. Богочановой [7], С. И. Бондаренко [8], Е. А. Коляскиной [9], В. А. Липинской [10] и др. Значимыми для данного исследования остаются публикации О. С. Щербаковой [11], Л. А. Явновой [12; 13], а также работы автора, посвященные теме трансформационных процессов традиционной новогодней обрядности [14; 15; 16]. Отдельных аспектов темы касались М. А. Жигунова [17], Т. Н. Золотова [18], Г. В. Любимова [19], Е. Ф. Фурсова [20] и др.

Как отмечается исследователями, в период 1920–1930-х гг. – период построения Советского государства – еще были устойчивы вековые тра-

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

диции, но уже в некоторых элементах быта проявлялись черты нового, становились очевидным начавшиеся изменения в менталитете сельских жителей [21, с. 7]. В данный период происходили значимые изменения в традиционной календарной обрядности на Алтае. В 1918 году Совет народных комиссаров «в целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени» принял декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». Закрепление в 1935 г. в СССР Нового года (1 января) как государственного праздника было призвано вытеснить «антисоветский обычай» праздновать Рождество Христово, чем объяснялось перенесение рождественских традиций на празднование Нового года [12, с. 62]. В результате появились праздники: старый Новый год (14 января), отмечавшийся 13 января («Васильев вечер»), и государственный праздник Новый год (1 января), отмечавшийся вечером 31 декабря. Как показали опросы информантов, до 1950-х гг. сельскими жителями отдавалось предпочтение празднованию старого Нового года, который также называли «старинным» в некоторых семьях вятских переселенцев. Отмечались расхождения во взглядах старшего поколения и молодежи, когда старики были настроены категорично в соблюдении традиционных запретов и сроков празднования: «Какой-то мужик пришел к нам, говорит маме: так, а ты че делаешь-то? Она говорит: пряду. Дык седня праздник! Новый год! А мама говорит: ну это ваш праздник, вы и гуляйте, а наш праздник будет 14 января» (Бирюкова М. И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район, вятские переселенцы). «Новый год праздновали больше 13–14 января, об этом больше говорили. Для наших родителей было это ближе» (Прощенко М. А., 1947 г. р., с. Крутиха, Крутинский район, украинские переселенцы).

Вместе с тем происходит трансформация в традиционных святочных обходах дворов в 1930-е гг. в свете непринятия призывов и пропаганды советской власти: «Тада еще такие были, что двери запирали. Считали, что советская власть агитирует» (Рытвина А. С., 1924 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район, воронежские переселенцы). Другим аспектом трансформации является выполнение посевательной функции, принадлежащей в прошлом мальчикам, группами девочек, что вызывало недовольство старшего поколения. В этой связи в с. Гуселетово Романовского района до сегодняшнего дня сохранилось поверье о грядущем

удачном годе, если первым, кто придет посеять, будет мальчик или парень: «Если мальчишка придет первый посеять, люди все ждут. А если придет парень первый, – говорят, удачный год будет! Тогда ему все!» (Сычева Р. Д., 1927 г. р., с. Гуселетово, Романовский район, воронежские переселенцы).

Военные годы характеризуются информантами как время, в которое «не праздновались праздники». В праздничные новогодние дни отдавалось предпочтение времяпрепровождению со своими детьми: «Родители побудут побольше с дитями дома. Раньше работали, не признавали на работе. Старались получше покушать» (Жилинкова З. С., 1937 г. р., с. Новошипуново, Краснощековский район, старожилы). «Ощущение праздника было, всегда обед готовили, мама рассказывала» (Шишенина Л. М., 1953 г. р., с. Мамонтово, Мамонтовский район, харьковские, тамбовские переселенцы). В военные годы также старались украсить дом из подручных средств: «Из газетки вырезали занавески» (Копытова Г. Ф., 1924 г. р., с. Гуселетово, Романовский район, украинские переселенцы). Как отмечалось информантами, в 1940-е гг. не прекращались святочные обходы дворов молодежью в канун старого Нового года: «А это под старый Новый год сделали большую здоровую... козы... дрова-то пилют. Ее сделали, ее нарядили, кухайки там старые, все, баранью голову – палки вот так загнули, все, голова, баран и ходили» (Бочарова Л. С., 1933 г. р., с. Маралиха, Чарышский район, воронежские переселенцы). По воспоминаниям информантов, гадали взрослые женщины: «Ведь у каждого же на фронте мужья. Это 1942–1943 гг. где-то. Вот у нас одна... Она пошла к этой татарке поворожить. Говорит: Маруся, поворожи мне» (Бирюкова М. И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район, вятские переселенцы).

Уборка дома, побелка являлись традиционными подготовительными работами к «большим праздникам» (таким как Рождество, Пасха, Троица). С середины XX века происходит включение некоторых советских праздников (а также Нового года) в ряд обязательных, к которым готовились, белили. В некоторых семьях старожилов побелка считалась женской работой, в которой не участвовали мужчины: «К Новому году белили – это кухню белили. Белить – это женская работа. Папа не белил» (Мерюнов Б. Н., 1958 г. р., г. Алейск, Алейский район, по отцу – старожилы). Традиция «белил перед праздником дом» продолжается до конца 1980-х, сменяясь «генеральной уборкой»: «К све-крови пришли жить, она всегда говорила белить

(это 1989 год). Мы и сейчас генеральную уборку продолжаем делать» (Кобухова М. М., 1969 г. р., с. Волчиха, Волчихинский район). Прослеживается также тенденция в распространении традиционных запретов не только на работу в период Святков, но и на государственный праздник Новый год.

На страницах сельской периодики, в статье 1967 г. «Новогодний праздник в районе» отмечалось, что елка, как главный новогодний атрибут праздника, была в каждом доме Курьинского района: «Морем разноцветных огней засияли в новогоднюю ночь стройные лесные красавицы, принесшие с собой запах леса, улыбки и смех. Желанными гостями появились они в районе ДOME культуры, на площади, в каждом доме» [22, с. 2]. Но результаты экспедиционных опросов показали, что традиция установления новогоднего дерева (елки, сосны, а также ветвей) к Новому году на Алтае начинает свое существование в 1950–1960-х гг. только в некоторых семьях и окончательно закрепляется в 1980-х: «Елку дома никогда не ставили у нас в Змеевском Ключе (Курьинский район – И. Ю.). Даже понятий не было, чтоб дома ставить. Украшать – не украшали. Это вот уже 1960-е года, там уже стали ставить дома елочки, и то не каждый» (Якутенок М. Ф., 1943 г. р., с. Шипуново, Шипуновского района, старожилы). Установление елки (сосны) зависело от ее произрастания

на ближайшей территории, возможности приобретения и размещения в доме, желания самого хозяина: «Какие елки, у нас деревьев не было! Это стало уже в 1975–1980-м году у нас дома ставили. Когда стали привозить, стало можно купить» (Труфанова Л. И., 1947 г. р., с. Комариха, курские переселенцы). Сосны, елки добывали самостоятельно в лесу либо покупали: «Папка ездил в Войково за соснами для клуба и школы. И себе привозил» (Булгакова М. М., 1962 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район, рязанские переселенцы). Отмечается, что в результате отделения молодой семьи, рождения детей, елку ставили обязательно: «Вот когда поженились – своя семья стала, тада и ставить елку стали» (Колесова Л. Ф., 1939 г. р., с. Гилев-Лог Романовского района, росейские переселенцы). Нередко предпочтение отдавалось установлению еловых или сосновых ветвей в связи с ограниченными возможностями внутреннего пространства дома: «Я помню, директор школы, мой муж, принесет веточки от елки – от школьной снизу обломит. Дома для детей. Места особо не было. Еще теленочек был в доме, стоял на кухне» (Горбенко П. И., 1929 г. р., с. Первомайское, Шипуновский район, росейские переселенцы). На сегодняшний день сохраняется традиция украшать дома новогодними ветвями сосны или елки (рис. 1).

Рис. 1. Украшенные ветви сосны к Новому году, с. Шипуново, Шипуновский район. Фото автора, 2016 г.

С 1970-х гг. сельские жители стали оставлять елки до старого Нового года, что в некотором смысле подчеркивало значимость этих двух календарных праздников. В начале 1960-х гг. цен-

тральным местом для установления елки становится красный угол (без икон), что говорит о размывании его сакрального значения в доме во второй половине XX века [16, с. 44]. Основными

украшениями новогоднего дерева были изделия из бумаги, ткани с окрашенными или прорисованными деталями, фоном («вешали тряпочки» и элементарные украшения, позднее это были звездочки, фонарики, цепочки, герои сказок, «самошитые» игрушки из ткани – куколки, петушки с прорисованными глазками, набитые фантики от конфет, конфеты с начинкой и т. д.). Получает распространение установка искусственных елок (рис. 2), украшение гирляндами: «Из электропровода гирлянды, на ней лампочки с патрончиками, а на нее надевались звездочки разноцветные (рис. 3). Купил в 1976–1977 году» (Кулагин Г. Е., 1953 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район).

Рис. 2. Искусственная елка М. Ф. Гороховой, с. Гилев-Лог, Романовский район.
Фото автора

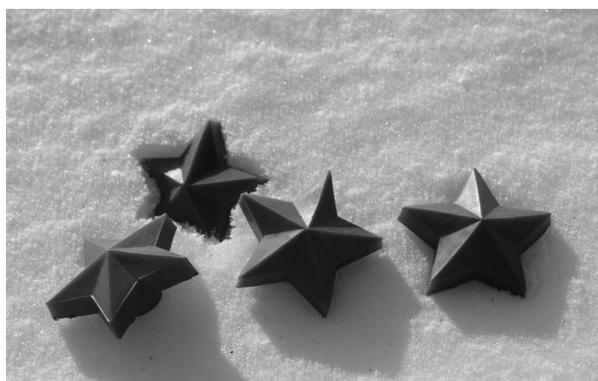

Рис. 3. Сохранившиеся фрагменты новогодней гирлянды Г. Е. Кулагина. Фото автора

К новогоднему столу обычно готовили следующие угощения и напитки: картошка тушенная в печи, сало, огурцы и помидоры с капустой, арбузы квашеные, грузди («солонина»), сметана, сыр, курица вареная, пельмени, хлеб, блины, компоты, кисели («белый» и «черный», с сухофруктами, вареньем), варили пиво, ставили самогон, делали брагу из свеклы, выпекали большое количество пирожков, расстегаев, стружней, шанежек. К традиционным новогодним блюдам в 1980–1990-е добавлялись блюда, выполненные по рецептам из статей местной периодики: «В 1980-е гг. я делала пельмени, сельдь под шубой, из печени, праздничный салат. Яблоки, бананы с трудом доставали. Рецепты брала из районной газеты» (Черных Н. П., 1957 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район). Рецепты новогодних блюд фиксировались хозяйками в «кулинарных тетрадах», передавались друг другу. Сегодня, несмотря на разнообразие информации по новогодним рецептам в глобальной сети Интернет, большинство блюд на новогоднем столе у сельских жителей Алтайского края остается традиционным. В настоящее время в некоторых семьях застолье устраивается в даты обоих праздников.

Традиционные святочные обходы дворов ряжеными под старый Новый год (преимущественно в вечернее время) продолжались в течение всего рассматриваемого периода, наряду с новогодними бесчинствами, традиционными гаданиями. В некоторых селах ряженных называли шуликанами (шуликаны, шуликины, шулюкашки; шуликаться, пуликать – совершать святочные обходы дворов 13 января). Однако нередко звучали угрозы от хозяев привлечь представителей власти в случае нанесения ущерба: «Можно шулюкаться? Шулюкашки пришли! Там вот подходит хозяйка или кто: если по добру, заходите, по-плохому – я знаю, кто тут пришел! Я вас тада выведу у в контору или в сельсовет» (Бочарова Л. С., 1933 г. р., с. Маралиха, Чарышский район, воронежские переселенцы). В некоторых новогодних поздравительных песнях содержатся «аналогичные» угрозы хозяевам:

Не дадите пирога,
Мы корову за рога,
А быка за хвост
Поведем в колхоз!
А хозяйку – на мороз!
(с. Андреевка, Шипуновский район)

Отметим, что с 1960-х в составе участников святочных обходов дворов большей частью была

молодежь, реже семьи, включая маленьких детей. Одним из самых любимых святочных молодежных развлечений сельского населения Алтайского края были «обрядовое озорство» или бесчинства [23, с. 152]. Распространенными «шалостями» молодежи являлись разбор ограды, мазанье и закрытие дверей, «кража лошадей» (чтобы покататься на санях), стук в окно разными предметами и пр.: «Ворота мазали коровиными лепешками! Сани таскали-то с того бугра, катались от центральной канторы! Тыкву делали – огонь даже изо рта! Вырезают внутри, свечку поставили и горит!» (Иванова З. М., 1939 г. р., с. Тулата, Чарышский район, казаки). Отметим, что «пугание хозяев» выскобленной тыквой со свечей внутри было зафиксировано нами неоднократно на территории ряда сел Алтайского края как у потомков старожилов, так и переселенцев (рис. 4).

Рис. 4. Тыква на Святки, сделанная Н. А. Конради (реконструкция по просьбе автора). Фото автора

Традиционными остаются гадания с петухом, в бане, с зеркалом, свечой и воском, валенком, зерном, водой и т. д., начинавшиеся с кануна старого Нового года (13 января). Представители более старшего поколения используют термин «ворожить», «вывораживать», отмечается понимание Святков как периода, включающего «святые вечера» (первая неделя Святков, начинавшаяся с Рождественского сочельника) и «страшные вечера» (вторая неделя, начинавшаяся со старого Нового года). Однако постепенно смысловая граница размывается, некоторые информанты уже не могут припомнить, объяснить названия Святков, святочных вечеров: «Звали Святками, а кто это? Кто они такие, Святки...» (Кузьменко М. Е., 1929 г. р., с. Усть-Порозиха, Шипуновский район).

1960-е годы, как показали исследования, становятся рубежным временем, когда происходило прекращение некоторых традиционных новогод-

них обычаев и обрядов у потомков старожилов и переселенцев Алтайского края. В их числе бытовавшая традиция приготовления «богатой кутьи» накануне старого Нового года [15, с. 123]. В это же время происходит переход от традиционного времяпрепровождения молодежи (святочных вечеров в том числе) к участию в мероприятиях сельского клуба: «В 1960-х уже этого не было. Я вспоминаю, даже у нас собирались дома. Вот оне готовятся к какому-то празднику, им надо попеть маленько, у них же какая-то самодеятельность была в клубе» (Аникин П. И., 1948 г. р., с. Курья, Курьинский район). В конце 1960-х гг. возникали запреты со стороны хозяев на традиционное разбрасывание пшена (другой крупы) с поздравительными песнями: «Сею-вею, посеваю, с Новым годом поздравляю! Некоторые, зайдешь – ой, ой, не сорите!» (Мерюнов Б. Н., 1958 г. р., г. Алейск, Алейский район, старожилы). Восприятие пшена как сора, отказы от совершения посеваний продолжают существовать и сегодня в ряде сел Алтайского края.

Празднование Нового года проходило в различных форматах мероприятий – детские новогодние елки для детей в школах и библиотеках, корпоративные елки для детей, новогодние мероприятия для взрослых в ДК, праздник 31 декабря на сельской площади. Некоторые элементы из сценариев детских коллективных елок, возникших в 1930-е гг. на Алтае, проникают в «домашние сценарии» празднования Нового года в конце 1950–1960-х гг.: традиционным становится практика рассказов стихотворений детьми дома, «стоя на табуретке», с последующим вознаграждением конфетами, переодевание в новогодние костюмы, вождение хороводов вокруг елки в доме, приход и поздравление Деда Мороза, вручение (нахождение детьми) подарков: «У нас елку ставили, ребяташек пригласили. Костюмы делали, маски из глины. Мы просто развлекали детей. Стихи обязательно рассказывали, про зимушку. Дед Мороз приходил» (Ермизова Н. И., 1951 г. р., Волчиха, Волчихинский район, воронежские, харьковские переселенцы). Иногда праздничные увеселения проводились как в узком семейном кругу, так и с привлечением соседских детей. Интересным вариантом адаптации является использование новогоднего костюма со школьной елки в колядовании: «У меня был костюм “кукуруза”. Я на Святки бегала в нем года три» (Ильиных Т. Н., 1957 г. р., с. Озерки, Шипуновский район, рязанские переселенцы).

Если ранее семантически с Рождеством ассоциировались подарки [12, с. 62], то со второй половины XX века становится традицией дарить подарки своим детям дома на Новый год аналогично подаркам новогодних детских елок (в «самошитых мешках», кульках (рис. 5), в качестве подарка были хлебобулочные изделия (калачи, булочки), конфеты, леденцы (как и на детских коллективных елках). Дарили также «самошитые» игрушки, позднее – покупные куклы, лыжи, платья и пр.: «А вот в 1950-е мама сама шила нам куклы, потом ежиков шила, слонов, жирафов, то, что можно было сшить. А вот так в мешке трясла их и говорила: “Так, проходи!”» (Ильиных Т. Н., 1957 г. р., с. Озерки, Шипуновский район, рязанские переселенцы).

Рис. 5. Новогодний мешок, 1994 г. Фото из Основного фонда Шипуновского районного музея

Со второй половины XX в. в селах входят в практику поздравления Дедом Морозом односельчан и их детей, передовиков, представителей органов власти, организованные работниками сельских ДК, что отразилось на страницах сельской периодики: «...каждый желающий поздравить своих близких и родных дает Деду-Морозу и его свите задание, а уж они постараются его выполнить [24, с. 1]. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. данная практика распространяется в селах, становится любимой сельскими жителями, кото-

рые, перехватив инициативу у культурных работников, организывают поздравления сами для родных и близких. В качестве Деда Мороза иногда выступал кто-либо из ближайших родственников: «Это был мой дедушка. Ну конечно, с подарками, с поздравлениями, заходит: “Здесь такая внученька живет? А я с лесу!” Ему бусы вешали из стеклянных палочек на елку, блеском лицо мазали, шапка тоже была красная» (Карпова Л. В., 1954 г. р., с. Красный Партизан, Чарышский район, старожилы). Данная традиция актуальна и сегодня у сельских жителей.

Важное значение приобретает категория времени встречи Нового года. После новогоднего мероприятия 31 декабря на площади или в ДК взрослые спешили домой, чтобы отметить наступление Нового года в семейном кругу. При этом информантами подчеркивалось, что старый Новый год «был как бы раскованнее, чем официальный». В семьях, где были маленькие дети, поздравления с Новым годом были раньше, с учетом отхода детей ко сну: «Это часов в восемь поздравляли 31 декабря обязательно. А они гулять компанией уходили, ну и к нам приходили. А вот восемь часов мы ждали» (Ильиных Т. Н., 1957 г. р., с. Озерки, Шипуновский район, рязанские переселенцы). У взрослых складывалась традиция гостевания («гуляли в одном доме, потом в другом»), детей оставляли дома, а семейная форма празднования в отдельных семьях сформировалась лишь к 1970-х гг.: «Родители всегда праздновали своими друзьями, а дети – елки в школах отвели и дома. Дети оставались следить за младшими. А я с Сашей сижу, а мои подружки выйдут, я уложу спать Сашу, и мы по очереди бегаем смотрим, спит – не спит. Все равно на улице толкемся, ощущение праздника есть, то там музыка, то там музыка. За столом всей семьей – такого не было. А стало позже. Я 10 классов заканчивала в Корчино» (Шишенина Л. М., 1953 г. р., с. Мамонтово, Мамонтовский район, харьковские, тамбовские переселенцы).

В 1980-х гг. в культурно-досуговой сфере внимание к фольклорно-этнографическим материалам возрастает, в программы новогодних клубных мероприятий включаются традиционные элементы обычаев и обрядов Новогодья. Так, в отчетах 1987 г. отмечалось: «Два года назад в районе стали проводиться новые массовые праздники: “Зимние забавы”, “Колядки”» [25, с. 9]. В начале 2000-х гг. в архивных материалах встречаются следующие названия мероприятий: «Ночь накануне Рождества. Колядки. Гадание. Театрализованное представле-

ние» (6.01.2005); «Один Новый год хорошо, а два все равно лучше» (Гадания. Театрализованное представление. 13.01.2005 г.» [26, с. 71]. В 1990–2020-х гг. традиция святочных обходов дворов поддерживается работниками культуры, фоль-

клористами (рис. 6). Сегодня практики обрядовых обходов дворов осуществляются детьми и молодежью самостоятельно (рис. 7), семьями, группами школьников под руководством работников культуры, распространены во многих селах.

Рис. 6. Святочные обходы дворов «шуликанами» под старый Новый под руководством А. В. Головина, с. Красный Партизан, Чарышского района. Фото из личного архива А. В. Головина

Рис. 7. Святочные обходы дворов ряжеными под старый Новый год, с. Шипуново, Шипуновский район. Фото автора, 2022 г.

Анализ специфики бытования новогодних традиций у сельских жителей Алтая свидетельствует о трансформационных и адаптационных процессах в обычаях и обрядах Новогодья, происходивших в условиях новых идеологических

проявлений Советского государства, модернизации быта, на современном этапе. Как показали исследования, в первой половине XX в. представители старшего поколения придерживались традиций празднования старого Нового года, что включало приготовление богатой кутьи накануне (13 января) и праздничных блюд, святочные обходы дворов (в некоторых селах совершаемые шуликанами), традиционные бесчинства молодежи, гадания и т. д. Период 1950–1960-х гг. становится рубежным временем, когда на смену святочным молодежным вечерам приходят культурно-досуговые мероприятия сельских ДК, традиция приготовления богатой кутьи прекращается, святочные обходы дворов совершаются «компаниями», включая семьи, их детей (смешанный возрастной состав групп), «по списку» проводятся обходы и поздравления сельских жителей Дедом Морозом. Именно в эти годы стали устанавливать елки (сосны) в домах, дарить подарки детям, организовывать поздравления Деда Мороза для своих детей. В 1960-х гг. возникают такие адаптационные формы, как применение новогоднего костюма в святочных обходах дворов, включение в новогодние праздничные семейные вечера элементов из новогодних сценариев (рассказ стихотворения, песни,

хороводы, подарки от Дедушки Мороза) и пр. В 1980-е гг. в программы мероприятий включались элементы новогодней традиционной обрядности, в 1990–2000-е гг. традиции святочных обходов дворов поддерживаются работниками культуры, что позволяет сохранять новогодние традиции старожилов и переселенцев Алтая для последующих поколений.

Список источников

1. Куприянова И. В. Календарная обрядность // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул: БГПУ, 2004. С. 214–226.
2. Мотузная В. И. Календарная обрядность русского населения Солонешенского района // Солонешенский район: очерки истории и культуры: сб. науч.-практ. материалов. Барнаул: БГПУ, 2004. С. 300–307.
3. Палевкина Е. В. Календарная обрядность с. Воздвиженка Кулундинского района Алтайского края // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Барнаул: АГИИК, 2002. Вып. 2. С. 231–234.
4. Панышина Н. Г. Календарная и праздничная обрядность в селах Бийского района // Бийский район: история и современность: сборник: в 2 т. Барнаул: БГПУ, 2005. Т. 1. С. 213–255.
5. Сигарева М. Н. Зимний календарный фольклор Петропавловского района [Алтайского края]: (По материалам экспедиций 1997–1999 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ, 2001. Вып. 4. С. 166–176.
6. Абалкина Ю. А. Праздники 1920–1980-х гг. // Бийский район: история и современность: сборник: в 2 т. Барнаул: БГПУ, 2005. Т. 1. С. 289–295.
7. Богочанова А. В. Государственные преобразования в сфере праздничной обрядности в период хрущевской оттепели // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АлтГПУ, 2020. Вып. 10. С. 319–323.
8. Бондаренко С. И. Исторические аспекты освоения целинных и залежных земель: значение, опыт, перспективы (к 60-летию целинной эпопеи) // Аграрная наука – сельскому хозяйству: IX международная научно-практическая конференция (5–6 февраля 2014): сборник статей: в 3 кн. Барнаул: РИО АГАУ, 2014. Кн. 1. С. 18–22.
9. Коляскина Е. А., Аксенова И. Ю. «Пересборка» масленичной обрядности у русского населения Алтайского края в 1950–1980-х гг. в свете коммуникации власти и сельского общества // Традиционная культура. 2023. Т. 24, № 4. С. 47–59.
10. Липинская В. А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 92–141.
11. Щербакова О. С. Зимний цикл празднично-обрядового обхода дворов (по материалам фольклорных экспедиций) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: БГПУ, 1998. Вып. 3. С. 155–158.
12. Явнова Л. А. Праздники Рождества и Нового года в проекции календарной обрядности второй половины XX – начала XXI в.: традиции и новации (по материалам Алтайского края) // Традиционная культура. 2023. Т. 24, № 4. С. 63–72.
13. Явнова Л. А., Антонова О. В. Новогодние карнавалы по материалам визуальных и устных источников последней четверти XX века – начала XXI в. // Полевые исследования в верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). Барнаул: АлтГПУ, 2021. Вып. 16. С. 314–320.
14. Аксенова И. Ю. Святочный цикл потомков переселенцев Алтайского края в середине XX – начале XXI вв.: традиции и новации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 392–395.
15. Аксенова И. Ю. Обычаи Рождества и Нового года у старожилов и южнорусских переселенцев на Алтае в середине XX века (по материалам этнографических экспедиций 2012–2016 годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, № 3. С. 117–126.
16. Аксенова И. Ю. Календарная обрядность восточнославянского населения Алтайского края в 1940-х–1960-х гг. как результат трансформации этнокультурного самосознания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. № 4 (66). С. 42–53.
17. Жигунова М. А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. Омск: Наука, 2004. 228 с.
18. Золотова Т. Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Омск: Издатель-Полиграфист, 2002. 234 с.
19. Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX вв. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 240 с.
20. Фурсова Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). Ч. 1. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск: Агро, 2002. 287 с.
21. Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие. М.: Индик, 2016. 616 с.
22. Краевская М. Новогодний праздник в районе // Патриот Алтая. 1967. № 2 (2261). С. 2.
23. Фролова А. В. Русский праздник. Традиции и новации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века. М.: Феория, 2010. 152 с.
24. Федоров Н. Под звон бубенчиков // Животновод Алтая. 1966. № 2 (2568). С. 1.
25. ГААК. Ф. Р-1062. Оп. 3. Д. 246. 93 л. Отчет РДК о работе клубных учреждений Алтайского района за 1987 г. С. 9.
26. Архивный отдел администрации Волчихинского района Алтайского края. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 213. Годовые, текстовые отчеты о работе учреждений культуры района. 214 с.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024; одобрена после рецензирования 20.09.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 12.09.2024; approved after reviewing 20.09.2024; accepted for publication 30.09.2024.